

Г.Б. Юдин

Коммунитаристский критерий для биоэтики

Юдин Григорий Борисович – кандидат философских наук. Лаборатория экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Московская высшая школа социальных и экономических наук. Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 11; e-mail: greg.yudin@hse.ru

В статье обосновывается подход к решению вопросов распространения биомедицинских технологий и биотехнологической модификации человека с позиций философии коммунитаризма. Коммунитаризм сопоставляется с кантианской парадигмой в исследовании биоэтических вопросов. Преимущество кантианства над утилитаризмом состоит в преодолении строго индивидуалистической перспективы. Поскольку каждая ситуация использования биотехнологий рассматривается как социальное взаимодействие, на первый план выходит принцип автономного решения, который позволяет сохранить человеческое достоинство. В то же время кантианский подход уязвим для случаев, когда в условиях формальной автономии человек принимает решение под воздействием биотехнологической среды, стимулирующей применение технологий. Отношение к человеку как цели может оборачиваться отношением к нему как к мишеню, объекту технологического улучшения. Коммунитаристский подход рассматривает автономию как коллективно реализуемую способность. Поэтому коммунитаристский принцип предполагает, что биотехнология должна проверяться на предмет ее воздействия на интегрированность человеческих сообществ, в которых она распространяется. Статья показывает, что такой подход расширяет перспективу демократического подхода к биоэтическим вызовам.

Ключевые слова: биоэтика, биотехнологии, улучшение человека, коммунитаризм, кантианство

Бурное развитие современных биотехнологий поставило перед человечеством ряд вызовов этического характера. Неудивительно, что биоэтика стала в последнее время ключевым полем философских дискуссий: именно здесь от практической философии ждут конкретных и обоснованных решений, и к этой

области приковано сегодня публичное внимание. Следует ли позволять любое технологическое вмешательство в человеческую природу? Должны ли быть поставлены какие-то границы для модификации человека средствами современной медицины? Эти вопросы невозможно решить средствами позитивных наук, и потому биоэтические исследования получают все большую поддержку по всему миру.

Основная платформа для оправдания широкого применения биотехнологий предоставляется утилитаристской философией. Несомненно, здесь тоже есть градации – от радикального трансгуманизма, не признающего никаких пределов для технологического улучшения человека (*human enhancement*)¹, до более осторожных версий, в которых признаются социальные риски изменения человека². Однако в целом утилитаристская рамка этической мысли более склонна защищать проекты модификации человека, поскольку они движимы стремлением индивида к самосовершенствованию и лучшей жизни. Утилитаристский взгляд из перспективы отдельного индивида рассматривает социальные последствия технологических новшеств как этически второстепенные.

Другие этические парадигмы относятся к технологическим революциям с большим скепсисом и более восприимчивы к существующим в обществе опасениям. Радикальные биоконсерваторы склонны полагать, что эти опасения – не что иное, как сигнал, который подает нам человеческая природа, требующая от нас остановиться в своих экспериментах³. Такого рода соображения могут оформляться в виде аргументов от религии или от тех идентичностей, которые чувствуют угрозу (например, национальные или гендерные идентичности).

Более гибкую позицию стремится занять кантианская этика. В отличие от биоконсерваторов кантианство остается на формально-этических позициях и отклоняет «материальную» аргументацию, если воспользоваться знаменитым различием М. Шелера⁴. У нас нет доступа в мир трансцендентных ценностей, которые могли бы сообщить нам, являются ли наши технологические новшества благом. В самом деле, история развития технологий показывает, что зачастую они сталкиваются с сильным нравственным сопротивлением, однако позднее консервативные доктрины и идеологии спокойно ассимилируют изменения, которые казались недопустимыми. При этом, однако, кантианский подход отличается от утилитаризма в двух важных пунктах: во-первых, «человеческая природа» не отрицается, но выводится из формальных соображений; во-вторых, при выработке критерия для регулирования технологий выбирается не индивидуалистическая перспектива, а перспектива взаимодействия между людьми. Биотехнологическая новация никогда не является делом только того индивида, который решает опробовать ее на себе: она всегда имеет

¹ *Harris J.* *Enhancing Evolution: The Ethical Case for Making Better People.* Princeton; Oxford, 2007.

² *Agar N.* *Truly Human Enhancement: A Philosophical Defense of Limits.* Cambridge (MA); London, 2014.

³ *Kass L.* *Biotechnology and Our Human Future: Some General Reflections // Biotechnology: Our Future as Human Beings and Citizens / Ed. by S. Sutton.* Albany, 2009. P. 9–30.

⁴ *Scheler M.* *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik.* Halle, 1916.

последствия для социальных отношений и должна оцениваться на предмет моральных изменений, которые она влечет за собой.

В этой статье мы проследим логику кантианской аргументации и покажем, что в определенный момент базовые предпосылки кантианской этики при применении к технологиям сталкиваются с противоречием. Мы постараемся усилить тот акцент на надындивидуальных критериях, который содержится в кантианском подходе, и разовьем его с опорой на этику коммунитаризма. Мы покажем, что коммунитаристская перспектива позволяет обойти ситуацию, когда кантианский принцип автономии парадоксальным образом приводит к инструментализации человека, поскольку современные научные технологии одновременно рассматривают человека и как бенефициара, и как объект преобразований. Коммунитаризм не только вводит этический критерий, основанный на благе воспроизводства человеческих сообществ, но и привлекает внимание к значению демократических процедур для регулирования новых биотехнологий.

Парадокс кантианства

В знаменитой работе «Принципы биомедицинской этики» Т. Бичэм и Дж. Чилдрес сформулировали четыре основополагающих императива для профессиональной этики биомедика: уважение автономии человека, непричинение вреда, благодеяние (понимаемое как необходимость соотносить благо и зло для объекта вмешательства), справедливость⁵. Этот подход нельзя свести ни к одному из традиционных этических направлений; его ценность состоит в его практико-ориентированности: он сочетает формы этического интереса, характерные для разных доктрин. Например, как можно видеть, третий принцип напрямую открывает пространство для утилитаристской калькуляции (хотя при проблематизации понятия «благо» он может служить и для критики утилитаризма). В то же время первый принцип не сводится к утилитаризму, но вводит в дело кантианскую этику: для того чтобы дать этическую оценку биомедицинскому вмешательству, следует определить, в какой степени сохраняется право человека самостоятельно принимать за себя решение.

По Канту, автономия выступает как «основание достоинства человека и всякого разумного естества»⁶. Принцип автономии необходимым образом связан с категорическим императивом, поскольку автономное решение отличается способностью обрести независимость от свойств предметов воления, а значит, определяется действием в соответствии со всеобщим законом. Задача состоит в том, чтобы избежать инструментализации человека как в ходе биомедицинского исследования, так и в практике применения биотехнологий. Уважение достоинства человека как субъекта, принимающего решения за себя, выступает отличительной чертой кантианского подхода. В самом деле, требование не навязывать индивиду выбор и не подавлять его коллективными

⁵ Beauchamp T., Childress J. Principles of Biomedical Ethics. Oxford; New York, 2001. P. 12.

⁶ Кант И. Основания метафизики нравов // Кант И. Соч. Т. 4. Ч. I. М., 1965. С. 277.

нормами и общественным мнением традиционно озвучивается и утилитаристской позицией⁷. Однако для утилитаризма определяющее значение имеют последствия решения: если бы могли точно знать, что будет лучше для пациента с его точки зрения, за что он будет благодарен врачу, то не было бы необходимости в его автономном решении. Для кантианского подхода, напротив, важна именно моральная полноценность принимающего решение.

Это противоречие заостряет Юрген Хабермас в своей критике методов коррекции ребенка на пренатальном этапе. Проблема заключается в том, что ребенок лишается моральной автономии, возможности собственного свободного выбора – а это и составляет сущность человека⁸. Даже если предположить, что родители ребенка: а) желают ему исключительно блага; б) смотрят на это благо с возможной позиции ребенка (например, программируют для него те свойства, которые впоследствии помогут ему, а не те, которые приятнее всего было бы увидеть им самим); в) верно определяют предпочтения ребенка – все равно в этом случае происходит нарушение автономии ребенка, и он рождается с неизбежным ощущением собственной неполноценности, поскольку ключевые для его жизни решения уже были приняты до того, как он сможет вмешаться.

Настаивая на самоценности автономного решения, кантианский подход в некоторой степени переносит акцент со здоровья пациента и его блага как живого организма на отношения между субъектом и объектом биомедицинского вмешательства. Биомедицинская ситуация не сводится к терапии или улучшению состояния человека. Это прежде всего взаимодействие между двумя сторонами, которое предполагает возможность как автономного, так и неавтономного исхода. Решение «на благо» пациента (в смысле его физического здоровья) может быть решением во вред ему, если при этом оно произведено против его воли или без его ведома.

Однако такой взгляд на биомедицинское вмешательство предполагает, что решение индивида всегда может быть автономным от прогресса возможностей биомедицины. Иными словами, что процесс развития биомедицинских технологий не оказывает никакого воздействия на то, что индивид считает для себя благом и выбирает в качестве блага. Последовательная реализация кантианской позиции возможна, только если «царство целей» и «царство средств» не пересекаются друг с другом: какими бы ни были доступные средства, они не должны оказывать влияния на мое самоопределение в пространстве содержательных целей.

Эту предпосылку легко поставить под сомнение. Как было понятно уже неокантианским мыслителям на рубеже XIX – XX вв., изобилие доступных средств приводит к вытеснению целей, и в итоге выбор целей превращается в бесконечный выбор средств⁹. Нет оснований предполагать, что технологии нейтральны по отношению к фундаментальным свойствам человеческой

⁷ Милль Дж.С. О свободе // Хрестоматия. Политология. М., 2000. С. 617–625.

⁸ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 76.

⁹ Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранные работы. Киев, 2006. С. 61–79.

природы, что технологии могут оставаться в мире средств. Двадцать лет назад П. Слотердайк в своем эссе «Правила для человеческого зоопарка» выдвинул радикальный аргумент против идеи человеческой природы: он призвал признать факт постоянной технологической модификации человека и взять ее под контроль¹⁰. Работа Хабермаса¹¹ стала ответом Слотердайку и попыткой защитить антропологический эссенциализм, однако на кантианских основаниях это сделать проблематично.

Противоречие кроется в сущности современной биомедицинской науки, которая производит все новые технологии для человека и в то же время преодолевает ограничения человеческой природы и трансформирует человека. Человек более не является тем, кто принимает свободные решения о модификации себя и осуществляет их с помощью биотехнологий; скорее это биотехнология модифицирует человека. Выход за пределы человеческой природы создает разрыв между тем, кто принимает решение, и тем, кто является его бенефициаром: мы не можем знать, в чем будет состоять благо того человека, который явится результатом преобразования. Индустрия биотехнологий сама приобретает автономию: она смотрит на человека как на объект преобразования, а не только как на хозяина, который ищет для нее применение.

Как указывает Б.Г. Юдин, кантианский термин «цель» содержит в себе опасную двусмысленность. С одной стороны, современная технонаука работает на благо человека и в этом смысле относится к нему как к своей цели. Но, с другой стороны, биотехнологии открыто направлены на модификацию человека и в этом смысле относятся к нему инструментально как к мишени своего воздействия¹². «Дело не ограничивается одним лишь “обслуживанием” человека – наука и технологии приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и его самого»¹³. Под ударом оказывается самоотчетственность человека как субъекта, а потому сама постановка вопроса об автономии индивида при принятии решения вызывает затруднения. В конечном счете кантианский подход должен требовать от человека не просто автономного решения, но рефлексивного подхода к собственным желаниям¹⁴. Непонятно, как это ограничение можно было бы реализовать в биоэтической практике; к тому же это может, например, привести к неравенству между «менее рефлексивными» и «более рефлексивными» пациентами.

Как следует относиться к практике употребления ноотропных препаратов студентами, которые стремятся освоить раздутые учебные планы для того,

¹⁰ Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка: Ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме / Пер. с нем. Т. Тягуновой. URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/> (дата просмотра: 20.07.2018).

¹¹ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы.

¹² Юдин Б.Г. Человек как объект, потребитель и мишень технонауки // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 5. С. 5–22.

¹³ Юдин Б.Г. Технонаука и «улучшение» человека // Юдин Б.Г. Человек: выход за пределы. М., 2018. С. 139.

¹⁴ Campbell L. Kant, autonomy and bioethics // Ethics, Medicine and Public Health. 2017. Vol. 3. Issue 3. P. 381–392.

чтобы получить преимущество в построении карьеры? Или к спортсменам, которые принимают допинг, чтобы опередить конкурентов? Как показывают исследования, спортсмены делают это под воздействием коммерциализированной спортивной индустрии, которая девальвирует дух дружеского соревнования между спортсменами в пользу погони за потребителем¹⁵. С формальной точки зрения это решения, которые принимаются действующими автономно, и потому если эти действия наносят им вред, то в этом состоит их ответственность. Для кантианской позиции (как и для утилитаристской) важно только то, что человек может принять решение самостоятельно. Однако ясно, что коммерческое давление в этих случаях столь велико, что делает использование биомедицинских технологий практически неизбежным. Биотехнологии создают среду, в которой хотя и можно формально отказаться от их использования, в действительности выбора практически не остается, иначе слишком велик риск остаться на обочине. Распространение биотехнологий оказывается не результатом сознательных решений применяющих индивидов, но неизбежным следствием меняющихся социальных отношений. Кантианский подход готов признать наличие автономии и свободы во взаимодействии между индивидами там, где сам социальный контекст фактически делает решение принудительным.

Философская антропология коммуитаризма

Общим изъяном аргументации как утилитаристов, так и кантианцев является акцент на индивидуальной перспективе. Когда обсуждается та или иная модификация человека, вопрос, как правило, сводится к тому, выиграет или проиграет от этого данный индивид, другие индивиды и, косвенным образом, общество как сумма индивидов.

Представим, однако, что имеется технология, которая позволяет индивиду в десять раз увеличить объем работы, проделываемой за единицу времени, и при этом не требует дополнительного восстановления. Представим также, что индивид X хочет добиться такого результата, принимает такое решение абсолютно автономно и решает только за себя самого. Далее, можно утверждать, что такая технология не меняет радикально природу человека, если мы согласимся с тем, что человеку по природе свойственно трудиться. С точки зрения как утилитаристского, так и кантианского подходов все условия выбора соблюдены. Однако принесет ли такая модификация благо человеку? Будет ли счастлив спортсмен, который сможет бежать в десять раз быстрее соперников? Врач, который сможет осмотреть в десять раз больше пациентов, чем другие врачи? Ученый, который напишет в десять раз больше статей, чем коллеги? Можно возразить, что у соперников и коллег тоже будет возможность воспользоваться тем же самым средством; однако если это просто приведет к равновесию на новом уровне, то будет ли какое-то отличие от предыдущего равновесия?

¹⁵ *Laure P., Allouche S. Doping Behaviour as an Indicator of Performance Pressure // Inquiring into Human Enhancement: Interdisciplinary and International Perspectives / Ed. by S. Bateman et al. New York, 2015. P. 161–181.*

Сторонники улучшения поспешат ответить, что в этом случае будут обновлены спортивные рекорды, вылечены пациенты, которым недоставало внимания, сделано во много раз больше научных открытий. Тем самым забывают о том, что человеческая деятельность, в конечном счете, имеет смысл только как деятельность совместная, коллективная и ориентированная на партнеров. Ученые – не одиночки, занятые открытиями, а члены научного сообщества, на признание которого они рассчитывают и с которым вовлечены в процесс познания. Врачи – не торговцы заплатками для тела, а профессиональная корпорация, члены которой пользуются уважением общества, учатся друг у друга и поддерживают друг друга. Спортсмены – не охотники за рекордами, а друзья-соперники, вместе рискующие здоровьем, и для них нет большей награды, чем признание со стороны противников.

К сожалению, технологическая гонка за индивидуальными достижениями в действительности редко ориентирована на высокие цели; в реальной жизни ее смысл состоит в том, чтобы получить конкурентное преимущество. Врачи и ученые повышают производительность, чтобы не потерять работу, а спортсмены пытаются выиграть приз, который окупит их изнурительные тренировки и тяжелые жертвы. Профессиональная деятельность сводится к жесткой конкуренции, а ее собственное содержание исчезает. Это приводит к доминированию «этики спасательной шлюпки», когда любые биоэтические проблемы описываются как игра с нулевой суммой, задача о том, кто выживет, а кого придется сбросить со шлюпки за борт¹⁶. Базовой моделью становится представление о конкуренции между индивидами в борьбе за ограниченные ресурсы, в которой технологии повышают шансы на выживание.

Человек, как известно философии со времен античности, – это прежде всего политическое животное, то есть животное, ориентированное на полис. Ориентация человека на сообщество, участие в котором наделяет его жизнь смыслом, является фундаментальным антропологическим фактом, и этот факт необходимо учитывать в дискуссиях о целесообразности технологического улучшения человека. Акцент на индивидуальной полезности и свободе в биоэтике не должен заслонять того обстоятельства, что блага для человека невозможно достичь ценой разрушения сообщества. Речь идет о том, чтобы взглянуть на улучшение человека с иной позиции, которую мы будем условно называть «коммунитаристской», поскольку она предполагает внимание к ориентации человека на сообщество (хотя важные для этой логики аргументы содержатся и в этике добродетели, и в демократической политической теории).

Коммунитаристский подход к биоэтическим проблемам возникает как развитие коммунитаристской философии в целом – одного из ведущих направлений политической мысли последних десятилетий, представленного в работах А. Макинтайра, Ч. Тейлора, М. Сэндела, М. Уолцера, А. Этциони. Коммунитаризм развивается как реакция на либеральную и либертарианскую мысль, которые из-за акцента на индивидуальном благе и автономии индивида игнорируют социальное происхождение наших представлений о благе, приводят к кризисам

¹⁶ Koch T. *Thieves of Virtue: When Bioethics Stole Medicine*. Cambridge (MA); London, 2012. P. 101.

в согласовании частных представлений о благе и распаду сообществ на непримиримых индивидов. Биоэтический коммуитаризм развивает эту линию аргументации в области регулирования медицины, биотехнологий и здравоохранения, где господствующие позиции традиционно занимают утилитаристы и кантианцы. Ключевой для коммуитаристов принцип состоит в том, что решение об индивидуальном благе не только не должно приниматься вопреки благу сообщества, но и не может быть принято без учета сообщества, поскольку индивид не может жить благой жизнью вне сообщества. «Первый этический вопрос, который всегда следует поднимать, состоит в том, какое потенциальное социальное и культурное воздействие может иметь принятие того или иного решения. Хотя важность этого подхода наиболее очевидна в случае с новыми технологиями, которые имеют серьезные социальные последствия (например, генная терапия зародышевых клеток), он не менее применим в случае классических проблем индивидуального выбора пациентов и отношений между врачом и пациентом. Хотя такие проблемы и предстают перед нами как проблемы индивидуальные, это не значит, что в действительности у них нет социальных следствий»¹⁷.

Основное опасение либеральных теоретиков состоит в том, что отход от индивидуализма немедленно дает неограниченные полномочия государству, что может быть особенно опасно в биоэтических вопросах. Коммуитаризм рассматривает в качестве ключевой надиндивидуальной инстанции сообщество, а не государство: в противовес авторитарным моделям решения биоэтических проблем, предполагается, что реальную автономию человек обретает только в коллективном решении¹⁸. В современных условиях тирания авторитарного правителя может порой представлять меньшую опасность, чем тирания технологий – первое общество определенно переживет, а вот вторые могут незаметно осуществлять диктат сколь угодно долго¹⁹.

Известный философ-коммуитарист М. Сэндел в работе «Аргумент против совершенства» указывает на то, что «моральное содержание дискуссии об улучшении не в полной мере отражается в привычных категориях автономии и прав, с одной стороны, калькуляции выгод и издержек, с другой. В улучшении меня больше всего беспокоит не индивидуальная безнравственность, но образ мышления и жизни»²⁰. Сэндел обращает внимание на мотивацию для гонки за улучшением человека: как правило, эта мотивация имеет мало общего со стремлением достичь какой-либо общезначимой цели, а связана просто с жестким давлением конкурентной среды. Поэтому при оценке

¹⁷ Callahan D. Individual Good and Common Good: A Communitarian Approach to Bioethics // Perspectives in Biology and Medicine. 2003. Vol. 46. No. 4. P. 496–507.

¹⁸ Etzioni A. On a Communitarian Approach to Bioethics // Theoretical Medicine and Bioethics. 2011. Vol. 32. No. 5. P. 363–374. При этом процедура принятия такого решения должна обсуждаться отдельно – она в любом случае представляет собой комбинацию механизмов коллективного обсуждения (на этом настаивают делиберативные коммуитаристы), репрезентации и выбора.

¹⁹ Callahan D. Individual Good and Common Good. P. 506.

²⁰ Sandel M. The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering. Cambridge (MA); London, 2007. P. 96.

целесообразности улучшения человека в какой-либо сфере следует всегда в первую очередь иметь в виду социально разделяемую цель этой деятельности. Так, оценивая практику применения школьниками и студентами психостимуляторов с целью снижения утомляемости и усвоения большего объема информации, следует обращать внимание не на то, принимают ли они решение самостоятельно, а на то, в чем вообще состоит цель образовательного процесса. Нормативная функция образования как социального института не может сводиться к утилитарной цели получения более выгодных стартовых позиций на следующем этапе жизни.

В общем виде аргумент Сэндела сводится к тому, что безграничное улучшение человека отучает нас ценить то, что даровано нам от рождения и над чем мы не властны. В результате мы утрачиваем смирение и начинаем чувствовать себя всемогущими, гиперответственными за собственную жизнь. Это, в свою очередь, размывает основания для солидарности между людьми: мы больше не ощущаем «общей доли»; доля каждого такова, какую он сделает своими руками (или же какую определяют его родители)²¹. Необязательно соглашаться с Сэнделом в том, что наши возможности естественным образом предопределены неким «божественным даром» или «даром природы»: независимо от этого, очевидно, что конкуренция с помощью биотехнологий подтачивает солидарность и усиливает враждебность между людьми.

С точки зрения коммунитаризма принципиальное значение для понимания человеческой мотивации и человеческого блага имеет то, что человек всегда ищет признания у других и, в конечном счете, у сообщества, к которому он принадлежит (или стремится принадлежать)²². В совершенствовании человека без признания сообщества нет никакого смысла, и в действительности тяга к радикальной модификации тела является как раз сублимированным поиском признания, которое, как указывает Ч. Тейлор, в условиях современности становится все труднее получить надолго. Коммунитаризм тем самым исходит из того, что стремление к признанию – естественная человеческая потребность и улучшение человека является лишь одним из способов это признание получить.

Иными словами, коммунитаристский подход не сводится к аргументации «за» или «против» модификации человека и распространения биомедицинских технологий. Более существенно, что он позволяет по-новому посмотреть на проблемные ситуации, в которых может потребоваться улучшение. Коммунитаристский критерий предлагает начинать рассмотрение биоэтических задач с точки зрения общего блага – с точки зрения сообщества. Основные черты коммунитаристской логики состоят в следующем:

– во-первых, ключевое значение имеет реконструкция цели деятельности, в которой предполагается использовать технологии улучшения (чтобы избежать «этики спасательной шлюпки», этической оценке должны быть подвергнуты все значимые элементы ситуации выбора);

²¹ Sandel M. *The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering*. Cambridge (MA); London, 2007. P. 85.

²² Taylor C. *The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition / Ed. by A. Guttman*. Princeton, 1992. P. 33.

- во-вторых, необходимо оценить воздействие технологии с точки зрения последствий для солидарности сообщества;
- в-третьих, следует определить, кто в данной ситуации имеет моральное право принимать решение, регулирующее применение технологий.

Заключение

Кантианский подход к биоэтическим проблемам отличается большая чувствительность к социальной стороне взаимодействия в сравнении с утилитаризмом. Для кантианства каждое взаимодействие по поводу технологий – это, прежде всего, взаимоотношение, в котором имеется пространство для реализации или ограничения автономии. Однако кантианский подход гипостазировывает формальную автономию и игнорирует ситуации, в которых при формальной свободе взаимодействующих имеет место инструментализация человека. Абстрактно свободное взаимодействие может быть глубоко принудительным в силу того, что оно осуществляется в условиях жесткой конкуренции, которая не оставляет выбора. Современная технонаучная среда, и в особенности биомедицинские технологии, создают и укрепляют ситуацию, в которой их применение становится необходимым для удержания конкурентных позиций.

Для коммуитаристского подхода вопрос автономии и возможности свободно принимать решение также является ключевым. Однако свобода здесь не мыслится в отрыве от сообщества, к которому принадлежит человек: в терминах Исайи Берлина речь идет о позитивной, а не негативной свободе²³. Подлинное самоуправление возможно для человека лишь тогда, когда он определяет свою жизнь вместе с сообществом, к которому принадлежит. Поэтому ключевым для коммуитаристского критерия становится вопрос о поддержке сообщества: все действия, которые подрывают целостность сообщества, работают против человеческой автономии, даже если формально индивид принимает решение сам.

Коммуитаризм позволяет обратить внимание на важность биоэтического регулирования самими сообществами, которых касаются новации. Подлинная автономия может быть обеспечена лишь в том случае, когда та или иная биотехнологическая новация принимается сообществом. Иными словами, ключевым для обеспечения человеческой автономии является демократический способ принятия решений. Разумеется, речь не идет о том, чтобы коллектив навязывал свою волю индивиду в случаях, когда ему необходимо выбрать свое благо²⁴. Однако легализация биомедицинских технологий должна проводиться в результате демократического обсуждения в рамках сообщества – а не посредством экспертных решений. Коммуитарная демократия позволила бы

²³ Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М., 2014. С. 122–185.

²⁴ Kuczewski M. The Epistemology of Communitarian Bioethics: Traditions in the Public Debates // Theoretical Medicine. 2001. Vol. 22. No. 2. P. 135–150; Etzioni A. Authoritarian Versus Responsive Communitarian Bioethics // Journal of Medical Ethics. 2011. Vol. 37. No. 1. P. 17–23.

реально включить в дискуссию обывателей, о необходимости чего давно говорят сторонники делиберативной демократии. Биотехнологии уже доказали, что способны не просто менять человеческую природу, но трансформировать характер социальных связей между людьми. Поэтому вполне естественно, что человеческие сообщества должны иметь ключевое слово в выработке биоэтических регуляций в соответствии с соображениями сохранения сообщества и контроля над разрушающими его тенденциями – это позволит реализовать принцип автономии не формально, но по существу.

Приведенный в этой статье пример рассуждения, отвечающего на проблему регулирования новых технологий, показывает, каким образом может быть применен коммунитаристский критерий. Разумеется, коммунитаристская парадигма этим не ограничивается: для нее значимы все биоэтические проблемы, относящиеся к области жизни сообществ. Трудности отношений между врачом и пациентом, вопросы финансирования и регулирования медицинских исследований и экспериментов, обеспечения достойной смерти и пренатальной диагностики, а также многие другие сюжеты прямо затрагивают основания коллективной жизни, и потому применение коммунитаристской аргументации способно обнаружить новые интересы и аргументы в этической дискуссии. В современных условиях коммерциализации медицины ценность взгляда с позиций коммунитаризма сложно переоценить.

Список литературы

- Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. *Философия свободы*. Европа. М.: НЛЮ, 2014. С. 122–185.
- Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. *Избранные работы*. Киев: Ника-центр, 2006. С. 61–79.
- Кант И. Основания метафизики нравов // Кант И. Соч. Т. 4. Ч. I. М.: Мысль, 1965. С. 211–310.
- Милль Дж.С. О свободе // Хрестоматия. Политология. М.: Гардарики, 2000. С. 617–625.
- Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка: Ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме / Пер. с нем. Т. Тягуновой. URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/> (дата просмотра: 20.07.2018).
- Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
- Юдин Б.Г. Технонаука и «улучшение» человека // Юдин Б.Г. *Человек: выход за пределы*. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 134–144.
- Юдин Б.Г. Человек как объект, потребитель и мишень технонауки // *Знание. Понимание. Умение*. 2016. № 5. С. 5–22.
- Agar N. *Truly Human Enhancement: A Philosophical Defense of Limits*. Cambridge (MA); London: The MIT Press, 2014. 215 p.
- Beauchamp T., Childress J. *Principles of Biomedical Ethics*. Oxford; New York: Oxford UP, 2001. 454 p.
- Callahan D. Individual Good and Common Good: A Communitarian Approach to Bioethics // *Perspectives in Biology and Medicine*. 2003. Vol. 46. No. 4. P. 496–507.
- Campbell L. Kant, autonomy and bioethics // *Ethics, Medicine and Public Health*. 2017. Vol. 3. Issue 3. P. 381–392.
- Etzioni A. Authoritarian Versus Responsive Communitarian Bioethics // *Journal of Medical Ethics*. 2011. Vol. 37. No. 1. P. 17–23.

Etzioni A. On a Communitarian Approach to Bioethics // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2011. Vol. 32. No. 5. P. 363–374.

Harris J. *Enhancing Evolution: The Ethical Case for Making Better People*. Princeton; Oxford: Princeton UP, 2007. 264 p.

Kass L. *Biotechnology and Our Human Future: Some General Reflections* // *Biotechnology: Our Future as Human Beings and Citizens* / Ed. by S. Sutton. Albany: SUNY Press, 2009. P. 9–30.

Koch T. *Thieves of Virtue: When Bioethics Stole Medicine*. Cambridge (MA); London: The MIT Press, 2012. 352 p.

Kuczewski M. The Epistemology of Communitarian Bioethics: Traditions in the Public Debates // *Theoretical Medicine*. 2001. Vol. 22. No. 2. P. 135–150.

Laure P., Allouche S. Doping Behaviour as an Indicator of Performance Pressure // *Inquiring into Human Enhancement: Interdisciplinary and International Perspectives* / Ed. by S. Bateman et al. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 161–181.

Sandel M. *The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering*. Cambridge (MA); London: Belknap Press, 2007. 176 p.

Scheler M. *Der Formailismus in der Ethik und die material Wertethik*. Halle: Verlag von Max Niemeyer, 1916. 620 S.

Taylor C. *The Politics of Recognition* // *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition* / Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 25–74.

A Communitarian Approach for Bioethics

Greg B. Yudin

National Research University – Higher School of Economics; Moscow School of Social and Economic Sciences. 11 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: greg.yudin@hse.ru

This paper justifies a communitarian approach to the issues of dissemination of biotechnologies and human enhancement. Communitarianism is compared against the Kantian paradigm in bioethics. Contrary to utilitarianism, Kantianism transcends strictly individualistic perspective by treating use of biotechnologies as social interaction and underlining the primacy of autonomous decision and human dignity. However, Kantianism fails to discriminate between real autonomy and formal autonomy of human decisions that are prefigured by biotechnological environment that stimulates the use of technologies. Treating man as an end easily slips into treating it as a target and object of technological perfection. For communitarianism, human autonomy is a collectively enacted capacity, and therefore it argues that biotechnologies should be evaluated by their impact on integrity of human communities affected by them. This paper argues that communitarian approach calls for a democratic response to bioethical challenges.

Keywords: bioethics, biotechnologies; human enhancement; communitarianism; Kantianism

References

Agar, N. *Truly Human Enhancement: A Philosophical Defense of Limits*. Cambridge (MA); London: The MIT Press, 2014. 215 pp.

Beauchamp, T., Childress, J. *Principles of Biomedical Ethics*. Oxford; New York: Oxford UP, 2001. 454 pp.

Berlin, I. “Dva ponimaniya svobody” [Two Conceptions of Liberty], in: I. Berlin, *Filosofiya svobody. Evropa* [Philosophy of Liberty. Europe]. Moscow: NLO Publ., 2014, pp. 122–185. (In Russian)

- Callahan, D. "Individual Good and Common Good: A Communitarian Approach to Bioethics", *Perspectives in Biology and Medicine*, 2003, Vol. 46, No. 4, pp. 496–507.
- Campbell, L. "Kant, autonomy and bioethics", *Ethics, Medicine and Public Health*, 2017, Vol. 3, Issue 3, pp. 381–392.
- Etzioni, A. "Authoritarian Versus Responsive Communitarian Bioethics", *Journal of Medical Ethics*, 2011, Vol. 37, No. 1, pp. 17–23.
- Etzioni, A. "On a Communitarian Approach to Bioethics", *Theoretical Medicine and Bioethics*, 2011, Vol. 32, No. 5, pp. 363–374.
- Habermas, J. *Budushee chelovecheskoi prirody* [The Future of the Human Nature]. Moscow: Ves' mir Publ., 2002. 144 pp. (In Russian)
- Harris, J. *Enhancing Evolution: The Ethical Case for Making Better People*. Princeton; Oxford: Princeton UP, 2007. 264 pp.
- Kant, I. "Osnovaniya metafiziki nravov" [Foundations for the Metaphysics of Morals], in: I. Kant, *Sochineniya* [Writings], Vol. 4, Part I. Moscow: Mysl' Publ., 1965, pp. 211–310. (In Russian)
- Kass, L. "Biotechnology and Our Human Future: Some General Reflections", in: *Biotechnology: Our Future as Human Beings and Citizens*, ed. by S. Sutton. Albany: SUNY Press, 2009, pp. 9–30.
- Koch, T. *Thieves of Virtue: When Bioethics Stole Medicine*. Cambridge (MA); London: The MIT Press, 2012. 352 pp.
- Kuczewski, M. "The Epistemology of Communitarian Bioethics: Traditions in the Public Debates", *Theoretical Medicine*, 2001, Vol. 22, No. 2, pp. 135–150.
- Laure, P., Allouche, S. "Doping Behaviour as an Indicator of Performance Pressure", in: *Inquiring into Human Enhancement: Interdisciplinary and International Perspectives*, ed. by S. Bateman et al. New York: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 161–181.
- Mill, J.S. O svobode [On Liberty], in: *Khrestomatiya. Politologiya* [Readings in Political Science]. Moscow: Gardariki Publ., 2000, pp. 617–625. (In Russian)
- Sandel, M. *The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering*. Cambridge (MA); London: Belknap Press, 2007. 176 pp.
- Scheler, M. *Der Formalismus in der Ethik und die material Wertethik*. Halle: Verlag von Max Niemeyer, 1916. 620 S.
- Simmel, G. "Konflikt sovremennoi kultury" [Conflict of the Modern Culture], in: G. Simmel, *Izbrannye raboty* [Selected works]. Kiev: Nica-center Publ., 2006, pp. 61–79. (In Russian)
- Sloterdijk, P. *Pravila dlya chelovecheskogo zooparka: Otvet na pismo Heideggera o gumanizme* [Rules for the Human Zoo: Reply to Heidegger's Letter on Humanism], trans by. T. Tyagunova (<http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/>, accessed on 20.07.2018). (In Russian)
- Taylor, C. "The Politics of Recognition", in: *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*, ed. by A. Guttman. Princeton: Princeton UP, 1992, pp. 25–74.
- Yudin, B. "Chelovek kak object, potrebitel' i mishen' tekhnologii" [Man as Object, Consumer, and Target for the Technoscience], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2016, No 5, pp. 5–22. (In Russian)
- Yudin, B. "Tekhnika i «uluchshenie» cheloveka" [Technoscience and Human Enhancement], in: B. Yudin, *Chelovek: vyhod za predely* [Man: Transcending the Boundaries]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2018, pp. 134–144. (In Russian)